

Слезы продолжали струиться по лицу Кили, пока они шли к стоянке. Ее уши горели от смущения. Она действительно была не из тех людей, которые плачут на публике.

Рука Аарона была в ее руке все время, пока они шли, уводя ее подальше от фонарных столбов, машин и других людей, чтобы ей не приходилось смотреть вверх. Это был продуманный поступок, и от этого она заплакала еще сильнее.

Когда они наконец добрались до машины, он тяжело вздохнул и притянул ее в объятия.

- Иди сюда, выплачь все это.

Это приглашение официально прорвало плотину, и она начала рыдать так сильно, что думала, что вот-вот разорвется пополам. Чем сильнее она рыдала, тем крепче сжимал ее Аарон.

- Все хорошо, все будет хорошо, - пробормотал он, гладя ее по волосам.

Могло ли что-нибудь когда-нибудь быть в порядке, когда ей приходилось иметь дело со всей этой неразберихой?

Она не была уверена, как долго они так стояли, но когда она наконец отстранилась, на его угольно-серой рубашке были слезы, сопли и даже тушь.

Кили закрыла лицо руками.

- Мне так жаль. Я испортил твою рубашку.

- Ничего особенного; у меня их десятки. Важно то, чувствуешь ли ты себя лучше, - сказал он как ни в чем не бывало. На самом деле ему было совершенно наплевать на рубашку.

Она взглянула на него сквозь пальцы. Его лоб был озабоченно нахмурен, и от этого у нее защемило сердце.

Сколько времени прошло с тех пор, как Аарон так смотрел на нее? Ее Аарон. Потому что этот определенно был другим человеком.

За все годы, проведенные с ним, она не могла припомнить, чтобы ее хоть раз обнимали, когда она плакала. Это решило все для нее; она должна была начать думать о них как об отдельных сущностях.

Она одарила его легкой водянистой улыбкой.

- Я думаю, что я вытащила это из своей системы. Спасибо.

- Нет проблем. Если тебе когда-нибудь снова захочется поплакать, мои рубашки с радостью помогут тебе.

Кили издала сдавленный смешок. Он сказал это так официально.

- Ты такой странный.

- Ты уже упоминала об этом раньше. В чем именно я странный?

- Ты ведешь себя так, как я не ожидала. Я думаю, ты не тот человек, за которого я тебя принимала, - задумчиво сказала она.

Аарон нахмурился.

- Это хорошо или плохо?

- Думаю, это хорошо.

-Ой. Приятно знать.

Он открыл для нее пассажирскую дверь:

- Давай, давай отвезем тебя домой. Здесь холодно.

Дорога домой прошла в молчании. Кили так устала и была перегружена мыслями, что в голове у нее стало совершенно пусто. Ей нужно было отоспаться и утром пересмотреть свое мировоззрение.

Она старалась держаться непринужденно, когда выходила к своему многоквартирному дому.

- Спасибо за ужин... и за то... что ты сказал...

- В любое время, - серьезно сказал он:

- Я всего в одном сообщении отсюда. Отдохни немного, Кили. Завтра все будет казаться лучше.

Она надеялась на это. Она действительно на это надеялась.

Когда она вошла в дверь, Дженника рассказывала о свидании, с которого она только что вернулась с Кэмероном — очевидно, он все—таки пригласил ее на свидание, - и она незаметно проскользнула в свою комнату. В любом случае, сейчас она была не в настроении слушать болтовню.

Кили почувствовала себя немного лучше после душа, но что действительно помогло, так это уютно устроиться под кучей дополнительных одеял с мурлыкающей Молли, свернувшейся калачиком у ее лица.

Она закрыла глаза. Аарон был прав. Утром все будет лучше.

===

Аарон действительно задолжал своему хакеру за то, что тот предупредил его, что у Кили был плохой день. Она почти никогда не плакала; то, что случилось в лаборатории, должно быть, действительно беспокоило ее.

Сегодня вечером она сделала много неожиданных вещей — например, приняла его предложение поужинать, — но больше всего его удивило то, что на ней было ожерелье, которое он подарил ей шесть лет назад.

Он предполагал, что она избавилась бы от него, как и от всего остального, что он ей дал, тем более что тогда она так сильно его ненавидела. Должно быть, ей это действительно нравилось, раз она так долго держала его при себе.

Аарон не хотел так много упускать сегодня вечером. Он не хотел отпугивать ее, показывая, как сильно он ее любит, но когда она казалась такой сбитой с толку тем, что он был добр к ней, он не мог молчать.

По крайней мере, она не выглядела возмущенной, когда он сказал ей, что она делает его счастливым. Это было не совсем «Я люблю тебя», но это было достаточно близко. Она должна была, по крайней мере, подозревать, что она ему нравилась.

Несмотря на это, она все равно улыбнулась ему и искренне поблагодарила. Это было многообещающе. То, что она велела ему выбрать для нее глупый сувенир, было еще более многообещающим.

Сегодняшний вечер был для него победой, хотя было душераздирающе видеть, как Кили плачет, как будто наступил конец света. Он никогда не умел хорошо утешать людей.

Ну, он никогда ни на ком этого не испытывал до того дня, когда доктор сказал ей, что она никогда не сможет иметь детей после того, как очнется после операции. Тогда она плакала еще сильнее.

Этот никчемный подонок. Врачи клялись не причинять вреда, и этот человек все еще принимал взятку от Алистера, чтобы обменять результаты беременности Кили на чьи-то другие. У нее вообще никогда не было внематочной беременности!

Кили была почти на третьем месяце беременности нормально развивающимся ребенком, и доктор Ротман все еще не возражал не только против тайного аборта, но и утверждал, что допустил ошибку во время операции по прерыванию внематочной беременности, поэтому ей пришлось удалить всю матку и обе фаллопиевы трубы.

Это был коварный план. Даже если бы у нее действительно была внематочная беременность, худшее, что должно было произойти, - это удаление одной фаллопиевой трубы. Она все еще могла забеременеть.

Алистер был так настроен выгнать Кили из семьи Хейл, что саботировал ее способность рожать наследника, думая, что это заставит Аарона бросить ее.

Его жена впала в глубокую депрессию, из которой он делал все возможное, чтобы вывести ее, но ничего не помогало. Он сам был довольно подавлен этой ситуацией; он был так взволнован, когда Кили сделала домашний тест на беременность и сказала ему, что он собирается стать отцом.

Только несколько месяцев спустя, когда он подслушал разговор своего отца с Лейси в его офисе в компании, он узнал правду. Возможно, Алистер и осуществил этот план, но идея исходила от нее.

Аарон был опустошен, но более того, он был в ярости. Он не смог защитить свою семью.

Кили так и не узнала об этом.

Мысль о том, что это была невинная ошибка, вызванная причудой природы, чуть не погубила ее; он не мог сказать ей правду. Против нее был устроен заговор, потому что она решила выйти за него замуж. Она бы ни за что не смогла с этим справиться.

Срок рождения их ребенка должен был наступить через несколько месяцев. Для него это всегда было трудное время года. Еще одна причина чувствовать себя виноватым.

<http://tl.rulate.ru/book/51160/1800961>